

ДЖУЗЕППЕ ПИТРЕ

ТРИ СОБАКИ

И ДРУГИЕ СКАЗКИ

1888

18+

Джузеппе Питре

Три собаки и другие сказки

<https://litres.ru/74585233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцать сицилийских сказок, записанных Джузеппе Питре: верные собаки, заколдованные голубки, братья-близнецы, волшебные дворцы и крошечные герои. Сборник включает полную первую серию книги «Сицилийские сказки и народные легенды» 1888 года — с вариантами, авторскими примечаниями и историческими вводными материалами. Русское издание дополнено цветными сюжетными иллюстрациями. Полный текст адресован взрослому читателю: в нём сохранены жестокие эпизоды, мотивы самоубийства и грубый народный юмор.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
Сицилийские сказки и народные легенды	7
Авторское предисловие	8
Пояснение некоторых слов, имеющих в этом томе разные значения	17
Первая серия	21
II. Разбойник	34
III. Три собаки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джузеппе Питре

Три собаки и другие сказки

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

Перед вами семнадцать сказок первой серии книги Джузеппе Питре «Сицилийские сказки и народные легенды», вышедшей в Палермо в 1888 году. Название нашего сборника — «Три собаки и другие сказки» — взято из третьей сказки. Питре записывал устные рассказы, сохранял имена рассказчиков и места записи, объяснял местные слова и сопоставлял сицилийские сюжеты с преданиями других областей Италии. Его голос исследователя здесь соседствует с живой речью крестьян, ремесленников и сказочниц.

У этих историй свой ход времени. Братья вырастают за несколько строк, верность возвращает человеку жизнь, маленький пастух оказывается сильнее разбойников, а три собаки помогают Пеппи пройти через предательство и чары. Рядом с чудесными помощниками встречаются обман, тщеславие и жестокость; находчивость героя далеко не всегда означает нравственную правоту. Сказочные концовки то обещают счастье, то напоминают слушателям, что у рассказчика по-прежнему ничего нет.

Первая серия сохранена целиком: сказки I–XVII, местные варианты, сопоставления и примечания. Там, где Питре дополнительно приводит буквальную итальянскую версию диалектного рассказа, сохранён и её русский перевод. Поэтому некоторые истории звучат дважды: это особенность исходной книги. Стихотворные реплики и песни оставлены отдельными строками; точность смысла важнее воспроизведения рифмы. Неясности и замеченные ошибки оригинала оговорены в редакционных пояснениях, а не исправлены от имени рассказчика.

В начале помещены титульные сведения, посвящение, авторское предисловие и пояснение слов исходного издания. Упомянутые в предисловии Питре сто пятьдесят восемь рассказов и шесть серий относятся ко всему историческому однотомику. Настоящий русский выпуск содержит только его первую серию. Ссылки Питре на страницы и номера других рассказов сохраняют нумерацию названных им изданий.

Перед вами семнадцать старинных сицилийских сказок в полном переводе. Книга предназначена для взрослого чтения.

Цветные рисунки созданы для этого русского издания по конкретным эпизодам сказок. Они передают атмосферу чудесного мира, костюмы и пейзажи, не воспроизводя натуралистических сцен насилия. Тёплая фактура бумаги и гравюрная подробность рисунков объединяют оформление сборника.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Сицилийские сказки и народные легенды

Собраны и снабжены пояснениями Джузеппе Питре
В одном томе
Палермо
Луиджи Педоне Лауриель, издатель
Типография «Джорнале ди Сичилия»
1888

Сведения о печати оригинала

Печатание начато 16 ноября 1887 года.
Окончено 25 марта 1888 года.

Посвящение

Профессору Томасу Фредерику Крейну, искуснейшему исследователю и переводчику народных сказок Италии, Джузеппе Питре преподносит в знак глубокого уважения этот новый сборник сказок и легенд народа, который тот изучал с любовью.

Авторское предисловие

Avvertenza.

Когда вышли мои «Сицилийские народные сказки, новеллы и рассказы» (1875), казалось, что на Сицилии остаётся собрать уже немного. И вот, спустя тринадцать лет, — новый том прежде не издававшихся народных сказок и легенд.

В этом томе содержится сто пятьдесят восемь традиционных рассказов¹, записанных на диалектах и говорах сорока одной общины острова, а кроме того — двадцать пять вариантов, частью приведённых полностью на диалекте, частью изложенных вкратце по-итальянски. Все сицилийские провинции представлены здесь достаточно широко, но полнее всего — провинция Палермо, которую я, палермитанец, мог лучше исследовать и узнать. Одна она дала сто три рассказа, оставив далеко позади провинции Сиракузы с двадцатью шестью, Джирдженти с шестнадцатью, Мессины с пятнадцатью, Кальтаниссетты с восемью, Катании с шестью и Трапани с пятью. Однако указание местности означает не то, что рассказ существует лишь в этом месте — как известно, он распространён по всей Сицилии, — а то, что именно здесь он был записан.

Диалекты, которые до сих пор никогда не записывались, впервые появляются теперь на письме. Некоторые из них поначалу покажутся странными и малопонятными; но эта

кажущаяся странность и трудность понимания дадут повод для исследований, весьма полезных для истории Сицилии. В этом отношении настоящий сборник, как и предыдущий, стремится принести некоторую пользу исследователям романских языков и диалектов не менее, чем знатокам Сицилии. С другой стороны, он, быть может, окажется небезполезен собирателям народных рассказов и исследователям их источников и родства у разных народов и в разных литературах. Тот же, кто читает просто для удовольствия, найдёт в этой книге чтение, напоминающее о чарующих сказках детства и весёлых историях зрелых лет.

Название «Сказки и легенды» связано с двумя преобладающими в томе жанрами. Первый — фантастические рассказы, основанные на чудесном и сверхъестественном, которые все мы называем теперь общепонятным словом *fiabe* в Италии (*Märchen* в Германии, *contes* во Франции и так далее). Второй — легендарные рассказы о персонажах Ветхого и Нового Завета — настоящие апокрифические евангелия сицилийского простонародья, — о святых, о благочестивых людях, об изображениях Богородицы, о происхождении и судьбах Сицилии и Палермо, а также пещер, гор и церквей. Сказками являются рассказы первой серии, а также пятой, целиком состоящей из басен и побасёнок; легендами — рассказы второй и четвёртой. Впрочем, к легендам можно причислить и остроумные, занимательные рассказы третьей серии, посвящённые персонажам, которые стали легендарными.

ми во всякой традиционной словесности, и часть рассказов шестой, последней серии, где происхождение пословиц и поговорок выражений связывается с той или иной историей.

Верный методу, которого я придерживался в различных сборниках «Библиотеки сицилийских народных традиций», я ограничил сравнительные примечания — «Варианты и сопоставления» — к каждому рассказу опубликованными преданиями Италии. Но я далёк от мысли считать эти примечания исчерпывающими, особенно в отношении благочестивых преданий о священных изображениях и некоторых светских рассказах третьей серии. В самом деле, нет такого священного изображения, происхождение которого не связывали бы с историей, подобной или сходной с рассказами группы LXII–LXIV; для этой группы я сам смог собрать здесь не менее шестнадцати параллелей из одной только Сицилии.

При объяснении текста я ограничился примечаниями, необходимыми лишь для понимания буквального смысла. Сицилийские слова и фразы я переводил с точностью, вовсе не заботясь об изяществе, и добавлял в скобках итальянские слова и фразы, которыми их следует передавать, а также слова, подразумеваемые в тексте, неизменно склонном к недоговорённости и образности. Для девяти рассказов из Рагузы, Пьетраперции, Новары, Никозии, Сан-Фрателло и Палермо я дал полные буквальные переводы: они помогут понять другие рассказы на тех же диалектах или на диалектах той же группы.

И здесь да будет мне позволено в последний раз вернуться к вечному вопросу о написании.

Выдающиеся собиратели преданий, желая передавать народные рассказы и песни в подлинном местном говоре, склоняются к написанию, которое воспроизводит повествование так, как оно звучит из уст рассказчика: отсюда выпадения начальных звуков, добавления звуков в начале слова, всевозможные слияния. Такая точность передачи звучания до некоторой степени может заинтересовать лингвистов, обладающих доброй волей и огромным терпением, но она никогда не будет отвечать задаче фольклориста, желающего доставить материал для изучения мифологии и народной повествовательной традиции. Есть различие между простонародной речью и общепринятой речью данной местности, как есть различие между домашним, семейным разговором и рассказыванием. Мне никогда не случалось слышать, чтобы женщина, рассказывающая сказку, употребляла все те сокращения и искажения, какие она сама допускает в семейном разговоре; точно так же мне не случалось слышать песню, в которой человек из народа сохранял бы те же особенности произношения, что и в рассказе. А поскольку нет рассказчика или сказочницы, которые естественным образом не приспособлялись бы к этим способам речи, всякому хорошему собирателю диалектных текстов для фольклористов следовало бы, в свою очередь, приспособляться к ним.

Мне кажется — и всегда казалось, — что цели отвеча-

ет точная передача не только особых слов, но и характерных форм диалекта или говора, позволяющая увидеть, чем они отличаются от общих форм этого диалекта. Такие слова и формы, ограниченные определённым кругом или распространённые в определённой области, представляют собой этнические факты величайшего значения. В моём довольно обширном «Очерке грамматики сицилийского диалекта и говоров» («Сказки, новеллы и рассказы», т. I, с. CXLIX–CCXXX) были намечены первые морфологические черты наших диалектов и поддиалектов. Для провинции Сиракузы другие черты отметили Авольо² и Гуастелла³, оба учёные и заслуженные исследователи. Всем этим с большим умением, но с малым уважением к чужой собственности воспользовался доктор Фр. Вентруп⁴, который ещё прежде, в 1859 году, опубликовал в Брауншвейге удачный образец «Материалов к изучению сицилийского диалекта»⁵.

Итак, избранное мною написание не отступает от этих основных положений; напротив, оно следует им с подлинной тщательностью, особенно в текстах из Нижней Рагузы. Эти тексты были предоставлены мне знающими друзьями, и я не считаю себя вправе обсуждать или изменять их иначе как ради единообразия принятого мною способа записи общих слов и фраз. Я полагал, что не следует отказываться от исходного *d* в словах *di, dare, domani, dolce, donna* и подобных, где в устах почти всех сицилийцев оно обычно переходит в нечто вроде *r* (*ri, rari, rumani, ruci, ronna*). Я заменял

его только в тех случаях, когда *r* получает сильное усиление, как в глаголе *virriri* — «видеть». Равным образом я сохранял, смотря по обстоятельствам, *g* в словах *grande*, *gamba*, *garofano* и прочих, где оно часто не слышится (*'ranni*, *'amma*, *'alofaru*), и то сохранял, то не сохранял формы, принятые мною прежде, особенно в названных четырёх томах «Сказок».

Небольшие различия, которые кое-где можно обнаружить в написании текстов на одном и том же диалекте, сами по себе свидетельствуют о неустойчивости произношения у разных рассказчиков и о той неуверенности, с которой мы, бедные собиратели, записываем нашу родную речь. Если бы профессор Э. Бёмер принял во внимание эти обстоятельства, он не поддался бы слабости удивляться тому, как по-разному один и тот же звук достигал его немецкого уха, непривычного к нашему произношению, в зависимости от того, из уст одного человека или другого он исходил⁶, за те немногие дни, которые профессор провёл в Палермо⁷. Не учитывая различий между произношением образованных людей и простонародья, мужчин и женщин, человека, родившегося в квартале Кальса, и другого, выросшего в Альбергерии, этот добросовестный романист впал в прискорбное заблуждение.

Возвращаясь к рассказам, замечу, что сто и более из них я собрал лично. Узнать их можно по тому, что после имени рассказчика или рассказчицы, которое я всегда сообщаю,

не указано никакого другого имени. Пятнадцатью рассказами из Нижней Рагузы я обязан моему дорогому и учёному другу, профессору Карло Симиани. При содействии доктора Раффаэле Соларино он намеревался издать книгу народных рассказов этой общины. Узнав, что я занят новым сборником, он отказался от своего замысла и великодушно, щедро подарил мне собранные им предания: одни ещё не были опубликованы для Сицилии — именно они и появляются здесь, — другие представляли собой варианты, которыми я когда-нибудь воспользуюсь. Восемь рассказов из Кьярамонте и Модики я получил благодаря любезности барона Серафино А. Гуастеллы, всегда готового содействовать моим исследованиям народной культуры; семь из Прицци — от достойных молодых господ Сальваторе Торторичи и Томмазо Меркаданте-Каррары; три из Милаццо — от адвоката Паскуале Престамбурго; рассказы из Борджетто — от Саломоне-Марино; из Носсории и Никозии — от господина Мариано Ла Виа-Бонелли. Имена этих любезных сотрудников стоят в конце каждого рассказа.

Мне кажется излишним предупреждать, что мои рассказы и рассказчицы, если воспользоваться выражением Монтеня, «девственны в отношении образования»; поэтому нет оснований сомневаться ни в происхождении их рассказов, ни в их подлинно народной форме. Некоторые сказочницы — например, Франческа Амато и Мессия, обе недавно умершие, и слепая Роза Бруска — уже знакомы читателям

предыдущего сборника.

Я воздержусь от каких-либо замечаний о ценности народных рассказов вообще, поскольку теперь её уже никто не отрицает. После того, что я написал об этом в 1875 году, я сам недавно вновь обратился к этому предмету в моём томе «Тосканских народных рассказов», где скромно изложены и рассмотрены новейшие теории наиболее выдающихся мифологов и основных школ.

Палермо, 19 марта 1888 года.

Джузеппе Питре

Авторские примечания

1. Как будет видно, номер XLVIII по типографской ошибке повторён.

2. *Canti popolari di Noto* («Народные песни Ното»), с. 3–31. Ното, 1875.

3. *Canti popolari del Circondario di Modica* («Народные песни округа Модика»), с. VIII–XXIV. Модика, 1876.

4. *Beiträge zur Kenntniss des sicilianischen Dialectes* («Материалы к изучению сицилийского диалекта»), в *Programm der Klosterschen Koszleben, einer Stiftung der Familie von Witzleben* («Программе монастырской школы, основанной семьёй фон Вицлебен»). Галле, 1880. [Имеется в виду монастырская школа в Рослебене: Heinrich Schneegans, *Laute und Lautentwicklung des sicilianischen Dialectes* (1888), с. 1, при-

водит эту работу Вентрупа как *Programm der Klosterschule Rossleben, Halle 1880*. Необычное написание *Klosterschen Koszleben* в ссылке Питре сохранено. Пояснение редакции.]

5. *Beiträge zur Kenntniss der sicilianischen Mundart* («Материалы к изучению сицилийского говора»), в *Archiv für das Studium des neueren Sprachen und Literaturen* («Архив изучения новых языков и литератур»), т. XXV, вып. 1–2, с. 153–166.

6. *Zur sizilischen Aussprache* («О сицилийском произношении»), с. 165–167 в *Romanische Studien* («Романские исследования»), вып. X, первый выпуск т. III. Страсбург, 1878.

7. В *Hôtel de France* («Отеле Франции»), где бывают одни иностранцы и где известный романист пожелал проверить некоторые звуки по произношению учёных людей, среди которых был и автор этих страниц.

Пояснение некоторых слов, имеющих в этом томе разные значения

Spiegazione di alcune voci di differente significato nel presente volume.

Форма в оригинале	Значение
<i>A; 'a; â</i>	<i>a</i> — предлог «к, в, на»; <i>la</i> — определённый артикль женского рода; <i>alla</i> — предлог с этим артиклем.
<i>Ddu; ddu'</i>	«тот»; «два».
<i>Ca; ca</i>	«который, что» — местоимение или союз; «потому что, поскольку».
<i>Cci</i>	«ему, об этом, ей, его, их, им, ему, там, нас, нам» — соответствует итальянским <i>gli, ne, le, lo, li, loro, a lui, vi, noi, ce</i> .
<i>Cu, ccu; cu'</i>	«с»; «кто, кому».
<i>Fora; fóra, fôrra</i>	«снаружи»; «был бы, если

	бы был».
<i>Ha; ha'</i>	«имеет, является»; «имеешь, являешься».
<i>Hé; é</i>	«имею»; <i>ai, agli, alle</i> — предлог <i>a</i> с определёнными артиклями множественного числа.
<i>I; i'</i>	<i>i, li, le</i> — определённые артикли множественного числа; «я».
<i>Jè</i>	В Пьетраперции — «является»; в Роккапалумбе — «я».
<i>Ma; ma'; mà'</i>	«но»; «никогда»; «мать».
<i>Mè; me'</i>	«мой, моя»; «мои».
<i>N; n'</i>	«в», неопределённый артикль мужского рода; в Рагузе и Санта-Лучии — «не»; <i>n'</i> — неопределённый артикль женского рода.
<i>Na, 'nna; nna</i>	Неопределённый артикль женского рода; «в, у, от».
<i>Nni</i>	«от, у, в»; употребляется также как частица, заполня-

	ющая речь.
<i>ô; o</i>	<i>al</i> — предлог <i>a</i> с определённым артиклем мужского рода; в Рагузе <i>d'ô</i> — <i>del</i> («от, из, принадлежность»); <i>o</i> — «или, то есть».
<i>Pò; pò', pòi; po'</i>	«может»; «можешь»; «потом».
<i>Siddu; s'iddu</i>	«если»; «если он».
<i>Si; sì; sì'; sei</i>	«если»; «да»; «ты являешься» — глагол; «шесть» — число.
<i>Sò; so'</i>	«его, её» в единственном числе определяемого слова; те же значения во множественном числе.
<i>Sta; stà; sta'; 'stà</i>	«эта»; «стоит, находится» — глагол; «стоишь, находишься»; «лето».
<i>Su'; su</i>	«я являюсь, они являются»; «если».
<i>Tò; to'</i>	«твой, твоя»; «твои».
<i>Un; 'un</i>	Неопределённый артикль

	мужского рода; «не».
<i>Va; va'</i>	«идёт» — глагол, «прочь», «ну же»; «идёшь, иди».
<i>Vó'; vò'; voi</i>	«хочешь»; «хочет»; «вол».
<i>Vota; vòta</i>	«раз, поворот» — существительное; «поворачивает» — глагол.

Первая серия

I. Королевна, которой предстояло выйти замуж

La Rigginedda chi s'avia a maritari.

Жила однажды королевская дочь. Когда пришло ей время выходить замуж, отец хотел выдать её за королевского сына. Но она не желала замуж, пока кто-нибудь не принесёт ей трудную загадку, которой она не сумеет отгадать. Тогда она выйдет за того, кто принёс эту загадку, какого бы он ни был звания.¹

Услышав желание дочери, отец объявил:

— Кто задаст моей дочери трудную загадку, а она не сумеет её отгадать, тот станет её мужем.²

Подумайте только, сколько людей явилось после этого объявления со своими загадками! Но королевна³ отгадывала их все, сколько бы ей ни приносили. Весть разошлась по городам и деревням и дошла до ушей одного крестьянина. Он решил сам отправиться к королевне и, когда доберётся до королевского города, заставить её отгадать всё, что случится с ним в дороге — от самого выхода из дому до прибытия.

Уходя, он взял с собой хлеб, который назывался Питта, и пса, которого звали Мази. Из этого он составил первую за-

гадку: «Я вышел⁴ из дому с Питтой и Мази». Хлеб, который он взял с собой, был наполовину добрый, наполовину отравленный. Через несколько дней пути добрый хлеб у него кончился, и он решил дать псу кусочек отравленного. Пёс тотчас умер. Вторая загадка: «Питта убивает Мази».

Пройдя ещё немного, он подвергся нападению семерых разбойников. Те хотели его ограбить, думая, что у него есть деньги. Но он дал им понять, что у него ничего нет, а чтобы угодить им и спасти свою жизнь, показал хлеб.⁵ Разбойники умирали с голоду и, увидев хлеб, согласились отпустить его с условием, что он даст им немного этого хлеба. Так он и сделал. Но хитрый крестьянин рассудил, что лучше отдать разбойникам весь отравленный хлеб. Ничего не подозревая, они его взяли и проворно пошли прочь.⁶

Пройдя немного, крестьянин обернулся посмотреть, что делают разбойники. Отойдя от него,⁷ те стали есть хлеб; едва поели — все семеро разом умерли. Третья загадка крестьянина: «Питта убивает Седьмого».

Увидев их мёртвыми на земле, он вернулся к разбойникам, выбрал самого бедного, забрал у него ружьё и несколько исписанных и напечатанных листов. Четвёртая загадка: «У Седьмого я взял наименьшую».²¹ И пошёл дальше.

Продолжая путь, он увидел огромную птицу. Есть ему было нечего, и он воспользовался ружьём, отнятым у разбойника: взял да выстрелил, и птица упала. Но когда он подошёл её поднять, вместо огромной птицы, которую видел, нашёл

совсем маленькую птичку. Пятая загадка: «Стреляет в того, кого видел, а попадает в того, кого не видел». Маленькую птичку он ощипал, взял все бумаги, отнятые у разбойника, зажарил её на них и съел. Из этого он составил ещё одну загадку: «Я ел мясо, приготовленное на словах».

Вот крестьянин снова отправился в путь. По дороге встрети­лась ему река, которую никак нельзя было не перейти. Он решил снять башмаки, чулки и штаны, поднял рубаху, жилет и верхнюю куртку и так перешёл. Из этого составил ещё одну загадку: «Я перешёл реку ни голым, ни одетым». (Их шесть, кажется.)⁸

Приближаясь к городу короля, у которого была эта дочь, он встретил дряхлого⁹ старика, похожего на мертвеца, вышедшего из могильной ниши:¹⁰ смотреть на него было страшно. На плечах старик нёс здорового молодца, высокого, словно знамя,¹¹ — просто диво! Крестьянин сказал:

— Вот ещё одна: «Я видел мёртвого, который нёс живо­го».

Наконец он добрался до города, предстал перед королём и сказал:

— Ваше величество, я пришёл издалека, потому что слы­шал ваше объявление: кто задаст вашей дочери загадку, ко­торой она не сумеет отгадать, тому вы отдадите её в жёны. Теперь я хочу, чтобы меня представили вашей дочери: по­смотрим, отгадает ли она загадки, которые я принёс. А если не отгадает, ваше величество должны отдать её мне в жёны.

По собственному объявлению король не мог взять слово назад¹² и потому велел доложить о крестьянине дочери. Она приказала впустить его и, увидев крестьянина, спросила:

— Чего вы хотите?

Он ответил:

— Я пришёл задать загадку, как велит объявление вашего отца. Если вы её не отгадаете, должны стать моей женой.

— Ну, говорите, — сказала королевна.

Я вышел из дому с Питтой и Мази.

Питта убивает Мази.

Питта убивает Седьмого.

У Седьмого я взял наименьшую.

Стреляет в того, кого видел,

А попадает в того, кого не видел.

Я ел мясо, приготовленное на словах.

Я перешёл реку ни голым, ни одетым.

Я видел мёртвого, который нёс живого.

Эта загадка ошеломила королевну, и она не знала, что ответить. Увидев, что никак не может разобраться ни в одной её части,¹³ она попросила восемь дней срока, предложив крестьянину даром кров и стол. Он согласился. Чтобы не забыть слова загадки, королевна взяла бумагу, перо и чернильницу и всё записала. Но сколько ни думала, за восемь дней так ничего, ни единой проклятой части, и не поняла; пришлось признать себя побеждённой.

Тогда король сказал:

— Дочь моя, раз ты не смогла отгадать загадку, ни я, ни ты не можем взять своих слов обратно. Бери этого человека в мужья.

Дочь хотела было хитрить и искать отговорки,¹⁴ но делать было нечего: пришлось склонить голову. Подали объявление о браке,¹⁵ и через восемь дней они поженились. Крестьянин стал королевским зятем, и

Все они были счастливы и довольны,

А мы остались здесь ни с чем.

Палермо.¹⁶

Варианты и сопоставления

Охотник

Lu Cacciaturi.

Один охотник вышел из дому на охоту. В кармане у него была Питта — хлебная куколка, а с ним шла Маза — его собака. Хлеб был отравлен: собака съела его и умерла. Мёртвую собаку съели пять воронов, и все они умерли. Семеро разбойников, которые шли по полям и умирали с голоду, увидели этих воронов, зажарили их и съели. Поскольку во-

роны были отравлены, разбойники тоже умерли.

Охотник выстрелил в лисицу, а попал в птицу, которая как раз пролетала мимо. Он умирал с голоду, потому что собака съела хлебную куколку. Зайдя в сельскую церковь, он от жажды выпил воду из лампы.¹⁷ Затем нашёл служебник, разорвал его и на пламени от этой бумаги зажарил птицу и съел.

Выходя из церкви, он заметил, что капель, падавшая перед дверью, пробил камень.¹⁸ А идя дальше, увидел, как муравьи переносят дерево по маленьким кусочкам. Тогда охотник составил такую загадку:

Я вышел¹⁹ из дому,
Со мною были Питта и Маза.
Питта убивает Мазу.
Маза убивает пятерых.
Пятеро убивают семерых.
Я стрелял в того, кого видел,
А попал в того, кого не видел.
Я ел²⁰ мясо, приготовленное на словах.
Я пил воду ни с неба, ни с земли.
Я видел, как мягкое пробивает твёрдое.
Я видел, как малое несёт большое.

Прицци.

В другом варианте речь идёт не о хлебе — Пинте, — а о другой еде; разбойников было бы двадцать, а не семь; ружьё

называется *mirta* («мирма»). Убитая зайчиха была бы беременна, и охотник зажарил бы и съел её неродившихся детёнышей; падалью была бы лошадь, которую клевали птицы. Загадка же звучала бы так:

Я выхожу с Пинтой и Мазой.

Пинта убивает Мазу.

Пинта убивает двадцать.

Я стреляю в того, кого вижу,

А попадаю в того, кого не вижу.

Я ем мясо рождённое, которое не родилось.²²

Я вижу мёртвого, который тянет живого.

Я вижу мягкое, которое пробивает твёрдое.

Монреале.

Вариант из Базиликаты есть у Компаретти в «Итальянских народных рассказах» (*Novelline popolari italiane*), № XXVI, под названием «Удача» (*Fortuna*); тосканский — у Де Губернатиса, «Сказки Санто-Стефано» (*Novelline di S. Stefano*), № XXIV: «Загадка и благодарные животные» (*L'indovinello e gli animali riconoscenti*); другой, из Монтале, — у Неруччи, «Шестьдесят рассказов из

Монтале» (*Sessanta Novelle montalesi*), № XIX: «Сын миланского купца» (*Il figliuolo del Mercante di Milano*); ещё один, из Пратовеккьо в Тоскане, — в моих «Тосканских народных рассказах» (*Novelle popolari toscane*), № XVI: «Солдатик» (*Soldatino*); корсиканский — у Ортоли, «Народные сказки острова Корсика» (*Contes populaires de l'île de Corse*), часть I, № XVIII: «Семиглавый зверь» (*La bête à sept têtes*); абруццкий — у Де Нино, «Абруццские народные рассказы» (*Novelle popolari abruzzesi*), № XXXIII: *Arvúcheme lu laténe* («Разгадай мне латынь»); болонский — у Коронеди-Берти, «Болонские народные рассказы» (*Novelle popolari bolognesi*), 2-е издание, № XV: *La fola d'i indovini* («Сказка о загадках»).

Бернони в «Венецианских народных загадках» (*Indovinelli popolari veneziani*), № 62, рассказывает:

«Один охотник, стреляя в птичек, вместо них убил беременную овцу. Поедая ягнёнка, которого овца носила и которого он приготовил на огне от исписанной бумаги, он говорил такие слова:

Стреляю в того, кого вижу,
А попадаю в того, кого не предполагаю;
Ем мясо сотворённое, но не рождённое,
И силою слов приготовленное».

В книжечке «Запутанный лабиринт, или Развлечение для

меланхоликов, где услышат различные пристойные и любопытные загадки и головоломки, изданные мною, Джузеппе Самбо, прозванным Арлекином, и посвящённые тому, кто потратится на их покупку» (*Il Laberinto intrigato, ossia lo spassa pensiero de' malinconici, dove si udiranno diversi indovinelli ed enigmi onesti e curiosi dati alla luce da me Giuseppe Sambo detto Arlecchino, dedicato a chi spende in comprarli*; Басано), с. 8, читаем:

«Один охотник, выстрелив в оленя, попал в беременную дикую свинью. Распоров ей брюхо, он съел поросёнка, которого она носила; за недостатком огня он дожарил его на исписанной бумаге:

Я стрелял в того, кого видел,
Попал в того, кого не видел.
Я ел мясо сотворённое,
Ещё не рождённое,
И дожаренное на словах».

Загадка из Монтале такова:

Пиццио убил Белло,
А Белло спас меня;
Мягкое прошло сквозь Твёрдое,
И мёртвый несёт меня.

Тосканская загадка из Пратовеккьо:

Стьячча убила Паолу.
Мягкое разъедает твёрдое.
Я стрелял в того, кого видел,
Поймал того, кого не видел.
Ел мясо сотворённое, но не рождённое,
Приготовленное на дыму слов.

Авторские примечания

1. Имеется в виду, что королевская дочь выйдет за того, чью загадку она не сумеет разгадать.
2. *Cu' porta* и далее: «Кто принесёт (предложит) моей дочери трудную (для разгадывания) загадку, а она не сумеет её отгадать (разгадать), тот станет её мужем».
3. *Rigginedda* в большей части провинции Палермо, *Rigginotta* или *Rigginuzza* в областях Катании, Мессины и так далее означает «королевская дочь», «принцесса королевской крови», «молодая королева».
4. *Mi partivi* — «я отправился».
5. «И, чтобы угодить им и спасти свою жизнь, показал им хлеб».
6. *E si nni jeru* — «и они ушли прямо прочь». *Cuntanti cuntanti* — «проворно».
7. «Разбойники, уходя (удаляясь) от него».
8. «И их шесть, кажется» — загадок, которые крестьянин

составил во время путешествия. Эти слова в скобках принадлежат рассказчику, который хочет удостовериться, что верно сосчитал загадки.

9. *Crèpitu* вместо *dicrepitu* — «дряхлый».

10. «Который казался мертвецом, вышедшим из ниши (из могилы)».

11. *E 'n coddu* — «и на плечах (на себе) нёс молодца (высокого), словно знамя». Здесь следует также понимать, что юноша был крепок.

12. «Король, согласно объявлению (следуя оглашённому условию), не мог отступить».

13. *Quannu vitti* и далее: «Когда увидела, что никак не удаётся найти смысл загадок».

14. Она хотела мудрить, придирааться, искать предлоги и странные доводы.

15. *Pòlisi a bannu* — брачные объявления, которые вывешивают в муниципалитете для гражданского брака. См. мои «Обычаи» (*Usi*), т. II, с. 51.

16. Рассказано Джованни Пирроне, сапожником из квартала Борго в Палермо.

17. Следует отметить обычай многих церквей наполнять лампы отчасти водой и лишь затем добавлять столько масла, сколько хватит на определённое число часов.

18. Выходя из церкви, охотник заметил, что капля (*guttera*, *guttana*, *guttara*, *guttana*, по-латыни *gutta*), падавшая перед дверью, продолбила (*pirciatu*, от французского *percer*) ка-

мень.

19. *Mi partivu* — «я отправился».

20. *Tiravu* — «я выстрелил»; *picavu* — «я попал»; *manciavu* — «я поел».

21. В оригинале: *Pitta ammazza a Settimu*; затем *Di Settimu nni pigghiavi la cchiù minuri*. Имя *Settimu* отсылает к семерым разбойникам. *Minuri* означает «меньший, наименьший» (Трайна, «Новый сицилийско-итальянский словарь», с. 594, статья *Minuri*). В повествовании крестьянин забирает у одного из разбойников ружьё и бумаги; к чему относится женское *la cchiù minuri*, Питре не поясняет. Неопределённость самой загадки сохранена.

22. Так в оригинале: *Manciu carnì nata ch' 'un è nata* — «ем мясо рождённое, которое не родилось». В изложении варианта речь идёт о неродившихся зайчатах; противоречивое выражение загадки сохранено.

II. Разбойник

Lu latru.

Жили однажды король и королева. У них было три дочери: одну звали Роза, другую Марианнина, а третью Пиппина.

Однажды король позвал Пиппину и сказал:

— Пиппина, посмотри у меня в голове.

Пиппина села на солнышке и стала перебирать волосы у отца.¹ Искала, искала и нашла — с позволения сказать — вошь. Взяла её и хотела раздавить, но отец не позволил: велел положить её себе на ладонь² и принялся разглядывать. Она показалась ему занятой. И что он задумал? Посадил её в большую пузатую банку³ с жиром, чтобы откормить и посмотреть, до каких размеров она вырастет.

Вошь в этой банке ела и росла, ела и росла; никто ничего об этом не знал, потому что король никому не говорил и сам о ней забыл. Через несколько лет, зайдя в одну из дворцовых комнат, он заметил банку.

— Ох! — сказал он. — Как же я о ней забыл!.. Посмотрю-ка, что с ней стало.⁴

Открыл банку и видит вошь — огромную, такую огромную, какой никогда ещё не видали. Удивлённый, он велел взять эту вошь, содрать с неё шкуру и повесить перед дворцовыми воротами. Затем объявил:

— Кто отгадает, что это за шкура, тот получит королевну

в жёны.

Народ толпами⁵ шёл смотреть на шкуру, но никто не мог отгадать, чья она. Да разве могли они вообразить вошь такой величины!

Приходит один, приходит другой: смотрят, рассматривают, просят доложить о себе королю. Но когда король видел, что они ошибаются, то без всякой жалости приказывал отрубить им головы. Бедняги! Много молодых людей поплатилось за это жизнью.⁶

Однажды во дворец явился юноша, нарядно одетый, с виду настоящий кавалер. Он носил при себе голову ведьмы, которая помогала ему отгадывать всё на свете; сам же он был дорожным разбойником.⁷ Велел доложить о себе королю и вошёл. Представ перед королём, он без лишних разговоров объяснил, что это шкура вши. Королю нечего было возражать: он отдал ему в жёны старшую дочь, Розу.⁸

Радостная королевна простилась с отцом и сёстрами и отправилась с мужем. Шли они, шли и пришли в пустынную местность, где стоял громадный дворец.⁹ Во дворце никого не было видно, даже мухи не было слышно. Но стол уже стоял накрытый, а блюда появлялись и исчезали сами собой.

Кавалер вынул голову, поставил её в своей комнате и сказал жене:

— Роза, я не кавалер, я разбойник. Сейчас мне надо отправиться по своим делам. Смотри, води себя как следует.

Он уехал и оставил бедную девушку одну. Что ей было

делать в одиночестве! Она заперлась в своей комнате и стала оплакивать свою злую участь. Через три дня вернулся муж. Он прямо направился к голове ведьмы, и та без утайки, слово в слово, рассказала ему всё, что говорила жена.¹⁰ Разбойник выхватил саблю, отрубил жене голову и бросил её в каморку, где лежали сотни голов других женщин, которых он прежде брал в жёны. На том и конец.

Через несколько дней он отправился к королю, своему тестю:

— Ваше величество, Роза впала в тоску, потому что ей одиноко. Она хотела бы, чтобы к ней приехала одна из сестёр.¹¹

Король позвал Марианнину и отпустил её с ним.

Шли они, шли, добрались до той пустынной местности и вошли во дворец. Едва вошли, разбойник сказал:

— Марианнина, я не кавалер, я разбойник. Твоя сестра умерла, потому что не умела себя вести. Сейчас я уезжаю; ты оставайся в этой комнате и занимайся своими делами.

Бедная девушка — представьте себе её ужас! Она забилась в угол и горько заплакала, думая о своей злой участи. Три дня и три ночи только и делала, что плакала и жаловалась. На третий день — бац! — вернулся разбойник.¹² Даже не поздоровавшись с ней, он подошёл к голове ведьмы и спросил, что делала девушка. Голова рассказала ему всё до единой подробности. Не проронив ни слова, он взял саблю, срубил Марианнине голову и закатил её в каморку.

Спустя несколько дней¹³ он вновь явился к королю:

— Ваше величество, девушкам хорошо, но они хотят, чтобы с ними была их младшая сестра.¹⁴

Король велел позвать Пиппину и отпустил её с ним. Пиппина отправилась навестить сестёр.

Шли они, шли и пришли во дворец разбойника. Когда прибыли, тот произнёс свою обычную речь:

— Пиппина, я не кавалер, я разбойник. Обе твои сестры умерли, потому что дурно говорили обо мне и не умели себя вести. Сейчас я уезжаю; ты занимайся своими делами.

Услышав это, Пиппина чуть не умерла,¹⁵ но ни словечка не произнесла. Разбойник уехал, а Пиппина стала всячески ласкать и ублажать голову ведьмы.¹⁶ Когда сочла нужным, она разожгла жаркую печь, схватила голову, бросила её в огонь и сожгла. Как только голова сгорела, разбойник умер там, где в эту минуту находился.

Пиппина тотчас открыла каморку, взяла стоявшую внутри баночку с мазью, помазала головы своих сестёр, потом головы всех остальных женщин. По мере того как она их мазала, они оживали. Сёстры забрали огромные деньги, накопленные в одной из дворцовых комнат, и вернулись к отцу. Услышав о бедах, которые перенесли дочери, отец заплакал; обнимал и целовал их и никак не мог насытиться.

Они остались счастливы и довольны,

А мы здесь остались ни с чем, голодные.¹⁸

Палермо.¹⁷

Варианты и сопоставления

Сравните полностью с № 22 «Сицилийских сказок» (*Sicilianische Märchen*) Гонценбах: «О разбойнике, у которого была голова ведьмы» (*Vom Räuber, der einen Hexenkopf hatte*); с первой половиной третьего рассказа первого дня «Сказки сказок» (*Cunto de li cunti*) Базиле — «Блоха» (*Lo polece*), содержание которого таково:

«Один король, у которого было мало забот, вырастил блоху величиной с барана. Велев содрать с неё шкуру, он предлагает дочь в награду тому, кто узнает эту шкуру. Людоед узнаёт её по запаху и получает принцессу. Семеро сыновей одной старухи освобождают её, совершив столько же подвигов».

Сравните также с № 31 «Сказок и преданий итальянского Тироля» (*Märchen und Sagen aus Wälschtirol*) Шнеллера — «Жена дьявола» (*Die Frau des Teufels*) и так далее; с рассказом Дони, в котором тоже говорится о прихоти короля: выдать свою дочь за того, кто отгадает, что это за шкура огромной вши, которую он велел выставить напоказ; с «Маммачучко» (*Mammaciucio*) Де Губернатиса, «Рассказы» (*Novelline*), № XXVIII, и так далее.

В отношении некоторых второстепенных обстоятельств см. «Обручение королевны с разбойником» (*Lu spunzaliziu di 'na Riggina c'un latru*), № XXI моих «Сказок, новелл и рас-

сказов» (*Fiabe, Novelle e Racconti*), т. I, с. 191, и соответствующие примечания на с. 196 первого тома.

Авторские примечания

1. Пеппина садится «на солнечный глазок» — там, куда падает хороший солнечный луч, — и начинает перебирать волосы на голове отца, чтобы посмотреть, нет ли там какого-нибудь насекомого.

2. На ладонь.

3. *Burnia* — большая бутыл, пузатый сосуд.

4. «Ох! — говорит он. — Как же я об этом забыл! Хочу посмотреть, что с ней стало» — что стало со вошью.

5. *Li genti* — люди, народ, все люди — шли толпой.

6. Бедняги! Многие (*'naposi*) молодые люди потеряли здесь жизнь, пытаюсь отгадать, чья это шкура.

7. *Un latruni di passu* — большой разбойник, грабитель на дорогах.

8. «Отдал ему в жёны старшую дочь, Розу». Следует отметить, что прямое дополнение, обозначающее человека, при переходных глаголах предваряется знаком дательного падежа, как было указано на с. ССXXVI, § 3 первого тома моих «Сицилийских сказок».

9. Где стоял чрезвычайно большой дворец (*spavintusu*).

10. И она — голова — рассказывает ему во всех подробностях, что говорила жена в его отсутствие.

11. Хотела бы одну из своих сестёр.

12. Через три дня разбойник внезапно возвращается.

13. Через несколько дней.

14. *Li picciotti* — девушки, дочери вашего величества, — довольны, но хотели бы к себе младшую сестру.

15. *Fici la morti* и далее: следует понимать, что Пеппина, услышав это признание, едва не испытала ту смерть, которая ожидает всех нас.

16. *Millàfii*, или *millàfrii*, или *millaflii* — существительное женского рода, множественного числа: ласки, заискивание.

17. Рассказано Франческой Амато, прачкой, женщиной лет шестидесяти пяти, на площади Святой Оливы.

18. В оригинале *E nuàtri ccà ni munnamu li denti* — буквально «а мы здесь чистим зубы». По Мортилларо, статья *Dènti*, с. 362, значение 12, оборот *munnarisi li denti* означает остаться без еды, а переносно — без желаемого.

III. Три собаки

Li tri cani.

Рассказывают и пересказывают прекрасную сказку,

А если¹ я не умею рассказать,

Вы, господа, должны меня простить.²

Жил однажды отец, и было у него двое детей: сын и дочь. Сын рос, стал уже довольно большим,³ а у отца было две овечки. Вот он и говорит сыну:

— Знаешь, что тебе делать? Отведи их в поле пастись.⁴

Однажды идёт он, идёт, и, проходя через лес, увидел прекрасный сад. Там росли плоды⁵ не по сезону. Смотрит, смотрит — никого не видит.⁶ Зашёл в сад, взобрался на деревья и начал есть.⁷ Поел сколько хотел, набрал плодов за пазуху и спустился. Вернулся домой и ничего не сказал отцу.⁸ На другой день сделал то же самое: пошёл в сад, нарвал плодов, набрал их за пазуху и вернулся домой. Так он поступил несколько раз.⁹

Однажды ему стало мало того, что он поел сам: впустил в сад и овечек — там ведь была прекрасная свежая трава. Сам вошёл, взобрался¹⁰ на деревья и ел, а овечки внизу щипали траву. Вдруг перед ним появился красивый юноша, великан, и говорит:

— Эй ты! Что ты там наверху делаешь?11

Мальчик не посмел ему ответить:12 ведь он был виноват. Великан протянул руку, взял Пеппи — мальчика звали Пеппи, — спустил на землю и сказал:

— Уходи!

И не тронул его, не ударил,13 ничего ему не сделал. Как только мальчик вышел оттуда, он заплакал.14

— Что с тобой, почему ты плачешь? — спросил великан. — Иди сюда. Вот, я дам тебе этих трёх собак: одну зовут Железолом (*Spezza-ferru*), другую Горолом (*Spezza-muntagni*), третью Всепроход (*Passa-tutti*). Что тебе понадобится, скажи им — и всё получишь.

Пеппи снова вышел, снова заплакал, думая об овечках, оставшихся в саду:

— Что скажет отец, когда я приду к нему без овец?

И плакал. Великан пожалел его15 и опять позвал:

— Вот тебе эта дудочка: что бы с тобой ни случилось, заиграй — и увидишь, кто перед тобой появится. Только помни: ты должен странствовать по свету один и никого не брать с собой, куда бы ни шёл.16 Собак никогда не покидай: куда идёшь ты, туда должны идти и они.

Пеппи ушёл и отправился в путь. Шёл он, шёл, а когда счёл нужным, позвал:

— Эй ты, Железолом! Эй ты, Горолом! Эй ты, Всепроход! Принесите мне денег втрое больше, чем стоят овечки!17

Все три собаки исчезли; едва исчезли — уже вернулись,

каждая с маленьким ящичком в пасти.¹⁸ Пеппи взял их и пошёл к отцу. Увидев его, отец спросил:

— А овечки у тебя где?

— Я их продал, и мне дали вот эти деньги.¹⁹

С такими деньгами отец стал богатым и задумал купить²⁰ себе кареты, лошадей и всё прочее. Но сын не захотел оставаться дома: он решил уйти.

— Отец, дайте мне ваше благословение: я хочу отправиться в путь, мне надо уйти.

— Но почему? Теперь, когда мы ни в чём не нуждаемся, ты уходишь?²¹

— Отец, иначе нельзя. Я дал обет странствовать по свету.

Отец благословил его, и всё. Тогда сестра сказала:

— Нет,²² ты не должен уходить, не должен покидать нас. Я хочу идти с тобой.

— Нет, я хочу идти один.

— Если не возьмёшь меня с собой, ты не уйдёшь.

Пеппи пожалел её и взял сестру с собой.²³ Они поцеловали отцу руку и отправились в путь.

Шли они, шли, пришли в лес и увидели прекрасный дворец. Вошли и нашли всё, чего хотели: постель, еду — всё. Но там никто не жил: дворец был пуст. Там было ружьё, и Пеппи решил пойти на охоту.²⁴ Утром, едва рассвело, он взял ружьё и ушёл охотиться, а сестру оставил во дворце. Вечером вернулся и принёс²⁵ хороших птиц и кроликов; они поели этой дичи. Так они кормились каждый день: впоследствии

во дворце еды уже не находили.

Однажды, бродя на охоте, Пеппи увидел мельницу и мельника.

— Скажите, кто хозяин этого дворца? — спросил он о дворце, где жил с сестрой.

— Чей он? Ничей, — ответил мельник. — Когда-то там жили феи.²⁶ Феи ушли, и дворец никому не принадлежит.

— Вот я уже несколько дней живу там, я один, и я никого не видел.

— А вы один?

— Со мной сестра.

— Я хотел бы прийти посмотреть этот дворец, — сказал мельник.

— Почему же нет!.. Хотите прийти — приходите.

Они пошли вместе. Мельник пришёл, увидел дворец: ему понравилось. Смотрел, смотрел — и вот, пока он смотрел, влюбился в сестру Пеппи, а она в него. Оба полюбили друг друга. Затем простились, и всё. На другой день что он сделал? Узнал, когда брата не будет дома, и пришёл навестить сестру Пеппи: он знал, что тот каждый день уходит на охоту. Однажды влюблённый сказал своей возлюбленной:²⁷

— Как бы нам сделать так, чтобы твой брат умер?

— Откуда мне знать!.. — ответила она.

Мельник думал, думал, потом сказал:

— Вот что мы сделаем. Сейчас я пойду домой и пришлю тебе две бутылки. Ты поставь их на обеденный стол. Только смотри, сама из них не пей, иначе умрёшь.²⁸ Когда брат захочет пить, дай ему выпить то, что в бутылках.

Он ушёл, принёс ей две бутылки, и она поставила их на стол.

Потом вернулся брат. Прежде чем он вошёл, внутрь вбежали собаки, вскочили на стол, сбросили бутылки на пол и разбили. Брат рассердился и снова ушёл на охоту. К сестре пришёл мельник и спросил:

— Что ты сделала с бутылками?

— Что я сделала? У него три собаки — три дьявола!

Прежде чем он войдёт, входят собаки, вскакивают на стол и разбивают бутылки.²⁹ Он рассердился и опять пошёл на охоту.

— Вот что мы сделаем, — сказал мельник. — Я дам тебе пузырёк воды: намажься вся, и ты распухнешь.³⁰ Придёт брат — притворись совсем больной, жалуйся, что живёшь в этом доме, что вся распухла: «В такой дом ты меня привёл!..» И пошли его ко мне за каким-нибудь лекарством,³¹ чтобы тебе поправиться. Он придёт; я заставлю его оставить собак, а ему дам такую воду, которая тебе не повредит. Ты вымойся и притворись, что выздоровела. Когда он вернётся и увидит тебя здоровой, скажи ему: «Знаешь, я поправилась; теперь надо сходить к мельнику и поблагодарить его».³²

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.